

лом-избавителем. «Милости просим к нам», сказал ему батюшка и повел его к нам в дом.

Проходя мимо Швабрина, Зурин остановился. «Это кто?» спросил он, глядя на раненого. «Это сам предводитель, начальник шайки», отвечал мой отец с некоторой гордостью, обличающей старого воина: «бог помог дряхлой руке моей наказать молодого злодея и отмстить ему за кровь моего сына». — «Это Швабрин», сказал я Зурину. — «Швабрин! очень рад. Гусары, возьмите его! Да сказать нашему лекарю, чтоб он перевязал ему рану и берег его, как зеницу ока. Швабрина надобно непременно представить к секретную казанскую комиссию. Он один из главных преступников, и показания его должны быть важны».

Швабрин открыл томный взгляд. На лице его ничего не изображалось, кроме физической муки. Гусары отнесли его на плаще.

Мы вошли в комнаты. С трепетом смотрел я вокруг себя, припоминая свои младенческие годы. Ничто в доме не изменилось, все было на прежнем месте: Швабрин не дозволил его разграбить, сохраняя в самом своем унижении невольное отвращение от бесчестного корыстолюбия.

Слуги явились в переднюю. Они не участвовали в бунте и от чистого сердца радовались нашему избавлению. Савельич торжествовал. Надобно знать, что во время тревоги, произведенной нападением разбойников, он побежал в конюшню, где стояла Швабрина лошадь, оседлал ее, вывел тихонько и, благодаря суматохе, незаметным образом поскакал к перевозу. Он встретил полк, отдохавший уже по сию сторону Волги. Зурин, узнав от него об нашей опасности, велел садиться, скомандовал марш-марш, в галоп — и, слава богу, прискакал во-время.